

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4364.

Воскресенье, 9го Августа, 1898 г.

№ 4364.

УБИЙСТВО.

Рассказъ Камилла Дебанъ.

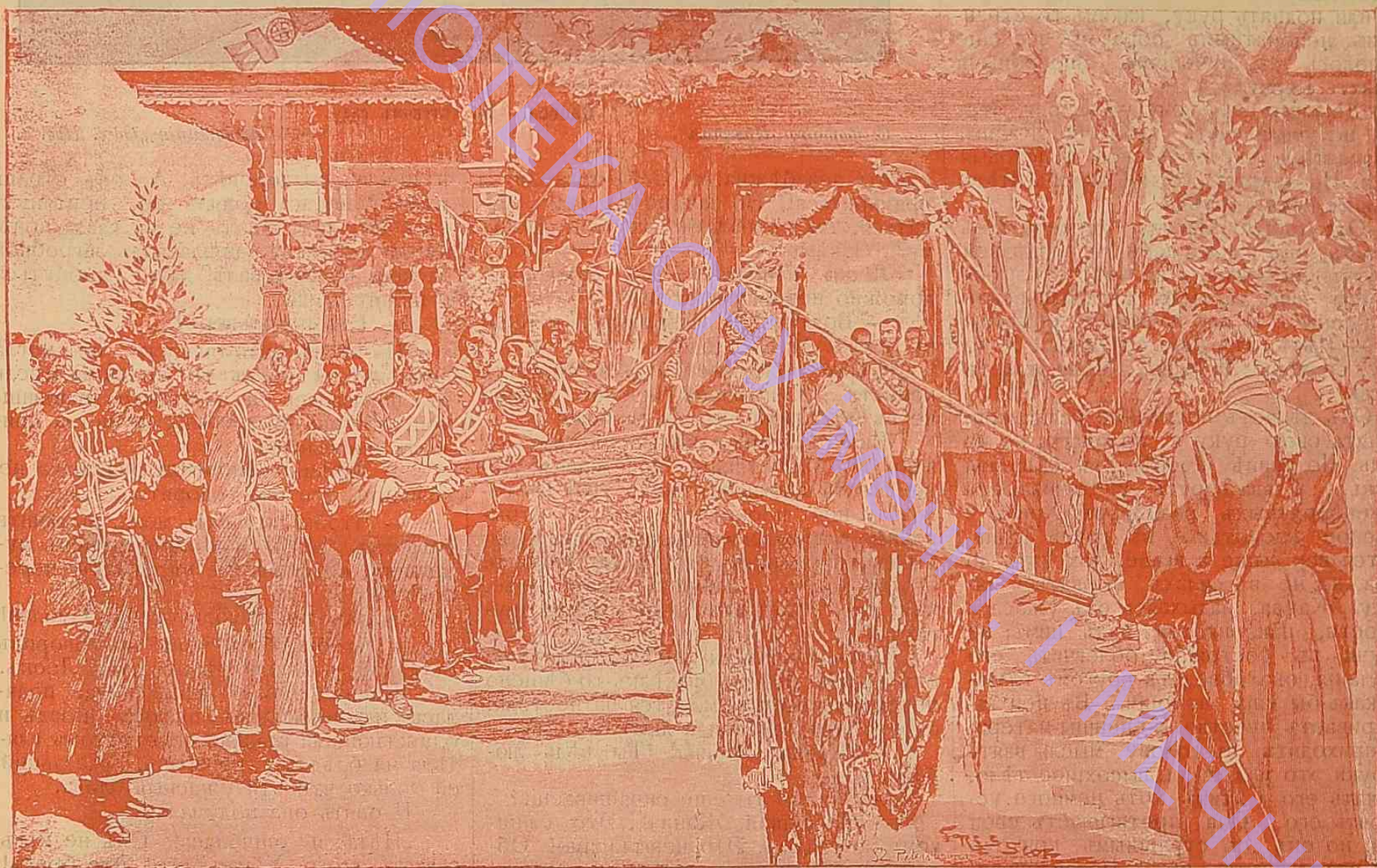
Мерцающій ночникъ слабо, какъ-бы свѣтомъ одинокой звѣзды, освѣщаль весь беспорядокъ комнаты. Изъ-за тяжелой драпировки, изъ мрачной темноты доносился жалобный, разбитый, замирающій голосъ.

кроме ада, чтобы объяснить тебѣ мои мученія!

Она напрягаетъ всѣ силы, чтобы не разрыдаться... Все стихаетъ... Неслышно, какъ призракъ, она подходитъ къ маленькому столику, на которомъ вспыхиваетъ и потрескиваетъ догорающая свѣча, наливаетъ что-то въ чашку, пробуетъ и возвращается къ постели.

— Не надо!.. раздается слабый стонъ. — Хлораль и морфій не могутъ ослабить мои страданія. О...

въ ея фигурѣ, судорожныя рыданія заставляютъ ее вздрагивать. Этому страдальца она любила... Она его любитъ всею силой еще такъ недавно проснувшейся души: пятнадцать мѣсяцевъ прошло со времени ихъ свадьбы, и онъ ужъ осужденъ... безъ всякой надежды... безповоротно!.. Достаточно взглянуть на него: всемогущая чахотка превратила его въ тѣнь человѣка; нѣсколько рѣзкихъ линий обозначаютъ контуры прежняго тѣла; на подушкѣ неясный

Освященіе знаменъ въ Красномъ Селѣ.

Фотоцинкографія „Одес. Нов.“

— Я, кажется, никогда не умру!
Въ ту же минуту женская фигура поднимается съ кресла у ногъ больного; она скорѣе сердцемъ, чѣмъ ушами услышала его слова.

— Ты очень страдаешь, да?—спросила она, дрожа.

— Я не нахожу другого слова, кто-то долженъ былъ бы сказать...

комъ сильны... Только-бы поскорѣй умереть... умереть... умереть...

— Услыхавъ ужасное слово, произнесенное три раза тономъ страстной мольбы, она уже не въ силахъ удержаться... Слезы въ сотый, въ тысячный разъ полились по ея безкровнымъ щекамъ. Глубокая скорбь отразилась

силуэтъ головы; ротъ ушелъ куда-то въ глубину, носъ заострился, виски вдавились, а подъ восковымъ лбомъ двѣ громадныя впадины съ безжизненными глазами... И этотъ мертвецъ еще живеть, потому что еще чувствуетъ свои страданія.

Бывают счастливые чахоточные, которые до последней минуты не сознают ничего, надбуются, строят планы, издают последний вздох... и умирают. Но бывают и другие больные-агония которых длится страшно долго, осужденные на смерть, с полным сознанием, в нечеловеческих мучениях они ждут этой смерти; огонь сжигает им грудь и все тело; в каждую данную минуту им кажется, что ничего сильнее мучительной боли и страдания, которые они испытывают, уже не может быть... Но проходит минута, и жестокость мучений возрастает до новых предельных, и так до безконечности, вплоть до самой смерти. Леонь понадеялся именно на этого рода больным.

II.

Какая-то безжалостная рука сдвигала и раздирала ему грудь с невыносимой болью... Это немощное создание, у которого не было силы приподняться с постели хоть на одну секунду или поднять руку, каким-то странным, непонятным образом все еще боролось с мучениями, способными сразить Геркулеса.

До сих пор ему удавалось, чтобы не увеличивать страданий Жанны, подавлять и скрывать свои неистовые боли. Но энергия его побуждена. Нить больше сил терпеть...

Он твердо решил умереть без жалоб, он клялся себе до последней минуты улыбаться... но вместо улыбки на его лице застыло страдальческое выражение... И он начинает роптать.

— Нить, это уже слишком! Я не могу, не могу! Я горю... Меня жжет здесь!

Он делает последнее усилие приподнять свою руку и положить ее на грудь. По спине пробегает бешеная дрожь... Глаза вдруг увеличиваются до невообразимых размеров. Хрипы и ужасное клочкотанье в груди поднимаются все выше и выше, доходят до горла, но не в силах вырваться наружу. Жанна, задыхаясь от ужаса и жалости, наклоняется над ним; не будучи в состоянии облегчить его страдания, она обводит кругом глазами, как-бы ища помощи... В ней заговаривает чувство женщины-матери, ей приходит в голову мысль взять на руки это маленькое высохшее тело, баюкать его и этим хоть немного успокоить его... Она протягивает свои руки, но он с страшным криком боли отталкивает ее... Подавленная, словно пораженная громом, она застывает в своей позе.

В первый раз она видит агонию... Она приготовилась заранее ко всем ужасам, она закалила свое сердце... Но сил больше не хватает сносить все это безропотно. У ней, как и у него, является дикая потребность кричать.

В двадцатый, в сотый раз она спрашивает, почему он именно, именно он, такой хороший, добрый, умный и красивый, почему он, а не кто-нибудь другой, должен умереть? Умереть! Разъ

Съ фотоп. „Прогресс“.

Одесса.—Въ детском саду.

Автомобиль „Одес. Нов.“.

смерть неизбежна, с ней приходится примириться! Но зачем же так мучиться, так страдать? За что? Почему?.. Зачем?

Леонь напрягает все силы и судорожно поворачивается.

— Воздуха! Я задыхаюсь... я горю в огне!.. Мнѣ холодно!..

Сърое дождливое утро освещает комнату... Умирающий ужасен. Жанна не в состоянии глядеть на него!

Еще пятнадцать месяцев тому назад он был таким красивцем! Даже шесть месяцев! Даже три! В головѣ у ней проносятся быстро отрывочные мысли: она тоже умрет!.. Если бы своей смертью она могла вернуть его к жизни... умереть самой легче, чѣм присутствовать при смерти других...

Поть крупными каплями выступая на лбу Леона; он как-то бешено переворачивается, мечется на постели, скрежещет зубами и дико стонет.

— Жанна! Жанна! Ты ведь любишь меня?

— Зачем ты еще спрашиваешь?

— Послушай, Жанна! Это слишком жестоко... Это невыносимо! Облегчи мнѣ мои страдания! Ты можешь это сделать!

— Я! — со страхом воскликнула Жанна, поняв ужасную мысль мужа.

III.

Почти в ту же минуту она упрекнула себя за это восклицание.

— Я, кажется, съ ума схожу! — подумала она. Овладев собой, она нѣжным голосом, громко проговорила:

— Облегчи тебѣ страдания? Конечно, дорогой мой! Я сделаю все, что ты захочешь!

Ей пришла в голову мысль, что у Леона, может быть, опять явилась

надежда выздороветь. А он страшным усилием обнял ее, притянул к себе, поцеловал ее в глаза поцелуем мертвеца, приласкал загорбной лаской, попробовал даже улыбнуться и шепнул ей:

— Гдѣ револьвер?

На этот раз она уже не могла сомнѣваться по в то же время мысль эта показалась ей настолько чудовищной, что она не хотѣла, не могла признать очевидного.

— Зачем? — спросила она, сама не сознавая, что она говорит.

— Чтобы выльчить меня, выльчить навсегда. Чтобы положить конец мучениям, которые не в силах переносить!

— Замолчи! Умоляю тебя, замолчи!

— Чтобы убить меня! проговорил съ какой-то дикой рѣшимостью Леонь. Жанна громко вскрикнула, подалась на нѣсколько шагов назад и блуждающими глазами со страхом глядела на блѣдный призракъ, сказавший ей только что эти ужасные слова.

И опять она подумала:

— Нить, я ошиблась! Он не мог сказать этого. Убить его! Это бред! Это предсмертный бред. Мнѣ убить его!

Когда она рѣшила ходить за умирающим мужем до конца, она заранее знала, что ей придется испытать самые ужасные чувства, безысходную тоску и отчаяние, но эта просьба была больше, чѣм горе, чѣм ужас, она превзошла все ее ожидания, не подходила ни подъ какия понятія.

— Да, да... это просто бред! — повторила она себѣ, в то же время глядя по сторонам и ища спасения хотя бы в бѣгствѣ. Но его руки кобько

ухватились за ее руку, и его пальцы сжимали ее пальцы.

— Не уходи! — сказал он. — Не уходи!

Леонь говорил очень тихо, — разбитые, надтреснутые звуки едва можно было уловить, но Жанна, находившаяся еще под влиянием ужасной мысли, возбужденной ее нервы, казалось, что он громко кричит. Колѣни ее дрожали, она старалась глядеть в сторону. Съ страстным порывом она начала молить Бога, чтобы Он поразили ее громом, чтобы Он послал ей немедленно смерть.

Новый приступ невыносимых страданий отразился на лицѣ Леона; он судорожно метался на постели, из груди вырывались клочующие хрипы. Отстранив жену рукой, он попытался подняться с постели.

— Ну, так я сам возьму! Гдѣ револьвер?

Но силы ему изменили, и он упал, как мертвец, не в состоянии даже пошевелить пальцем; только тело, мозг и грудь по-прежнему притягивали ему невыносимые страдания. Собрав последние силы, он поспѣшно заговорил:

— Послушай, Жанна! Ты не можешь быть настолько жестокой и безчеловѣчной, ты не заставишь меня переносить эти ужасные муки. Развѣ ты не видишь, что я еще в полном сознании, что я, может быть, проживу въ этой адской пытке еще два, три дня!

Жанна вздрогнула. Неужели же это может продолжаться еще двадцать четыре, даже сорок восемь часов? Нить, это невыносимо! У ней не хватило мужества!

— Может быть, даже восемь дней! — раздался голос Леона.

Она закрыла лицо руками и громко зарыдала.

IV.

Рыдая, она съ трудом проговорила:

— О Боже мой! Замолчи, Леонь! Ради Бога замолчи! Я позову доктора...

— Не надо; умоляю тебя, не зови никого! Доктор не поможет, он даже не в силах уменьшить мои страдания!

— Но я боюсь! Мнѣ страшно! Я боюсь, что я...

— Боишься? чего?

Она не отвѣчала. Леонь вдруг понял, что она боялась своей слабости, боялась уступить ему.

Ужасные ощущения, которые она испытывала, видя его мучения, могли, наконец, въ минуту отчаяния и сумасшествия, заставить ее дать ему то облегчение, о котором он говорил. Она боялась этого, она не хотѣла... Но Леонь не терял надежды на то, что усталость и любовь заставят ее уступить.

— Значит, я должен до конца терпеть эти ужасные, адскія муки, и у тебя не является даже жалости ко мнѣ? Но ведь я умоляю тебя только о милосердіи, о состраданіи.

— Ради Бога, Леонь, не говори этого.

— Да, только о состраданіи. Если бы ты увидела раненое животное, птицу или собаку, которая мучилась бы, как я, — ты, конечно, сочла бы своим долгом прекратить их страдания. А я, твой муж, которого ты любишь, я — такой же человек, как и ты, — я, по твоему, могу терзаться до конца! Ты плачешь, видя мои судороги... Но знай, что я не избѣгну еще болѣе мучительных ужасов агоніи! А! Ты не понимаешь, что я испытываю. Меня всего разрывают какими-то когтями, громадные клещи безжалостно рвут мое тело. Если бы съ меня содрали

кожу и на раны сыпали соль и лили кипящее масло, то и тогда бы я не испытывал ничего подобного. Жанна, убей меня! Изъ жалости, изъ великодушія убей меня. Неужели же ты хочешь, чтобы я проклинал тебя до последней минуты? Боже мой, как я страдаю!

— Нить, нить, нить! — закричала она съ невообразимой силой. — Я боюсь сойти съ ума, и если я потеряю голову... О, нить! Никогда!

Она чувствовала, что ей слѣдовало уйти. Тяжелый воздух этой комнаты, полутьмота, стоны и моливы умирающего, безысходная тоска, любовь, наконец, то, что за последние три-четыре дня она, отрѣзанная от остального міра, почти не принимала никакой пищи, — все это способствовало тому, что она могла, наконец, проявить эту истерическую жалость, о которой со слезами умолял Леонь. О, если бы он успокоился хоть на одно мгновение! Если бы въ течение какого-нибудь часа он забылся и отдохнул, они оба успокоились бы, и ужасное искушение прошло бы само собой. Но мучения все продолжались, становились еще болѣе нечеловѣческими, еще болѣе острыми и невыносимыми. По выражению лица этого живого трупа Жанна понимала, что смерть съ удвоенной силой наносила ударъ за ударомъ, безъ пощады, безъ малѣйшаго отдыха. Безсознательно она начинала терять рассудок, кромѣ того, он так страстно молил ее! Минута, когда у ней, наконец, не хватить силъ сопротивляться, была недалека.

— Ну, хоть принеси мнѣ его! — раздался его слова: — только дай.

Он говорил о револьверѣ.

— Не все ли тебѣ равно, умру ли я пятью часами раньше или позже?

Все окружающее, казалось, въѣзѣ съ Леономъ умоляло Жанну, и эта просьба казалась ей теперь не преступленіем, а подвигомъ, благородным и спасительным поступкомъ. Въ послѣдній разъ она попробовала противиться, онъ безнадежно вздохнул и взглянул на нее таким ужасным взглядомъ, что она, потерявъ рассудокъ, не отдавая себѣ отчета, бросилась въ противоположный уголъ комнаты, открыла ящикъ, схватила револьверъ и подала его мужу.

Какая злая насмѣшка судьбы! Леонъ схватил его, хотѣлъ приставить дуло къ виску и спустить курокъ, но онъ слишком ослабъ, пальцы его не повиновались.

— Я не могу! у меня нѣтъ силъ! Ты, ты, Жанна!.. Дай мнѣ это послѣднее высшее доказательство твоей любви!.. Значит, ты никогда меня не любила... ты безсердечна, безжалостна! Жанна!.. Жанна, убей меня... убей или будь проклята.

Он въ судорогахъ упалъ на постель... Раздался выстрѣлъ, по лицу Леона мелькнула едва уловимая улыбка. Жанна, как подкошенная, упала на коверъ.

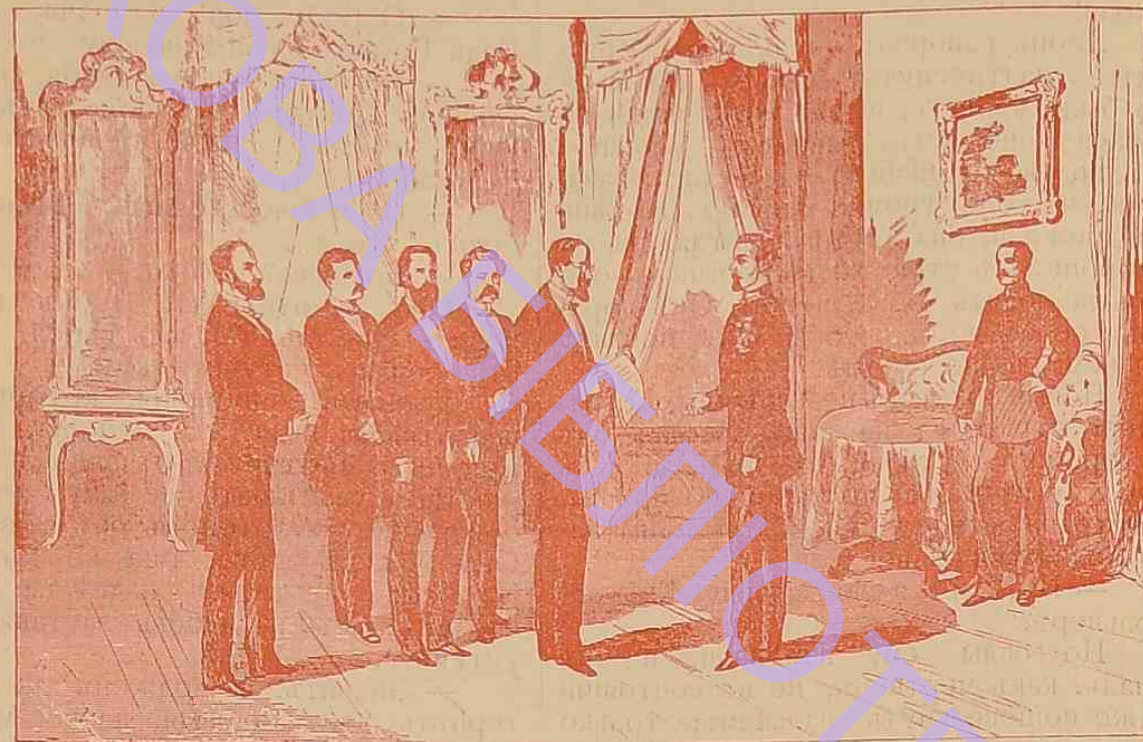
Одесса.—Въ детском саду.

Съ фотоп. „Прогресс“.

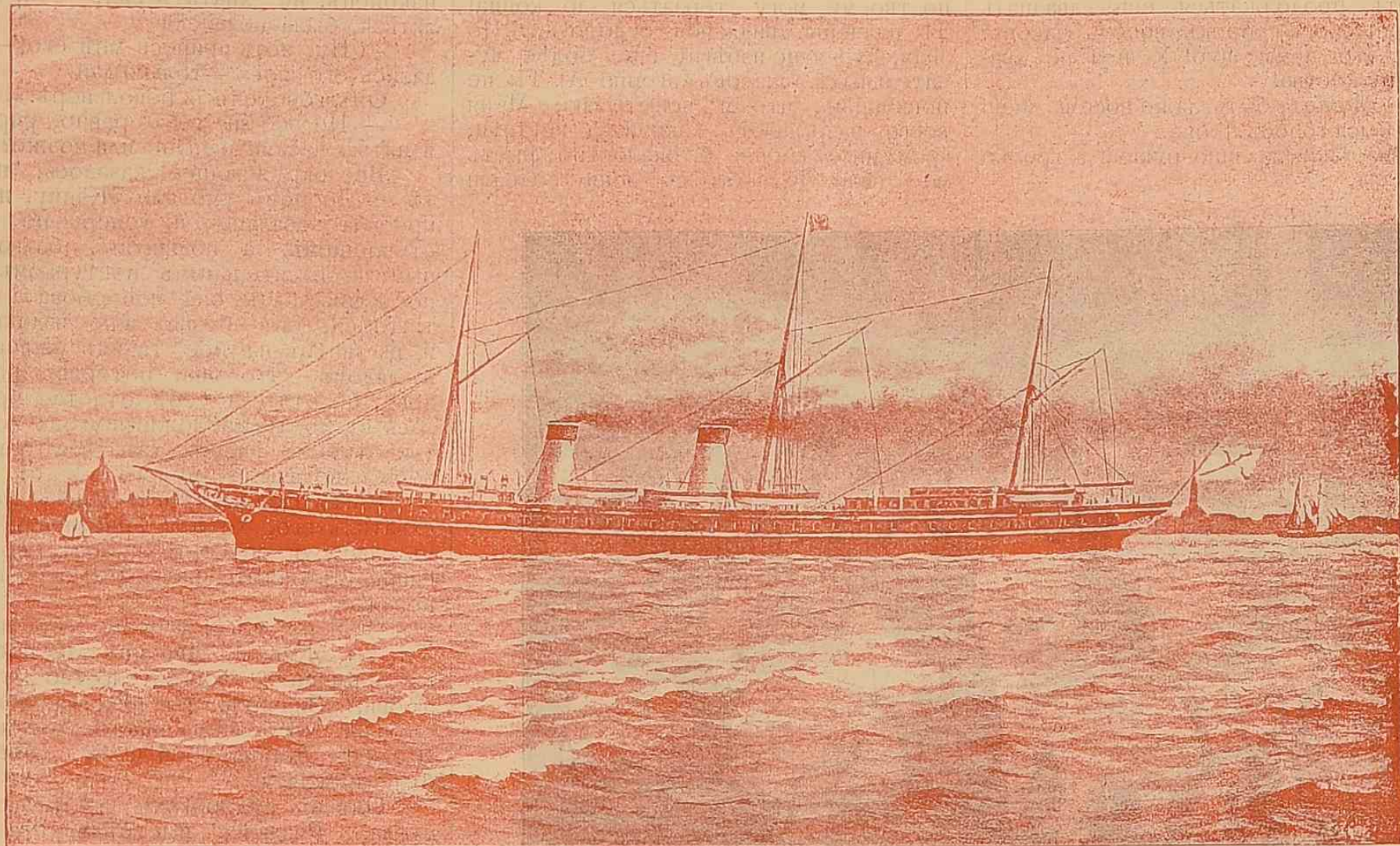
Автомобиль „Одес. Нов.“.

Генералъ-лейтенантъ
Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ,
членъ военнаго совѣта. † 4 августа 1898 г.

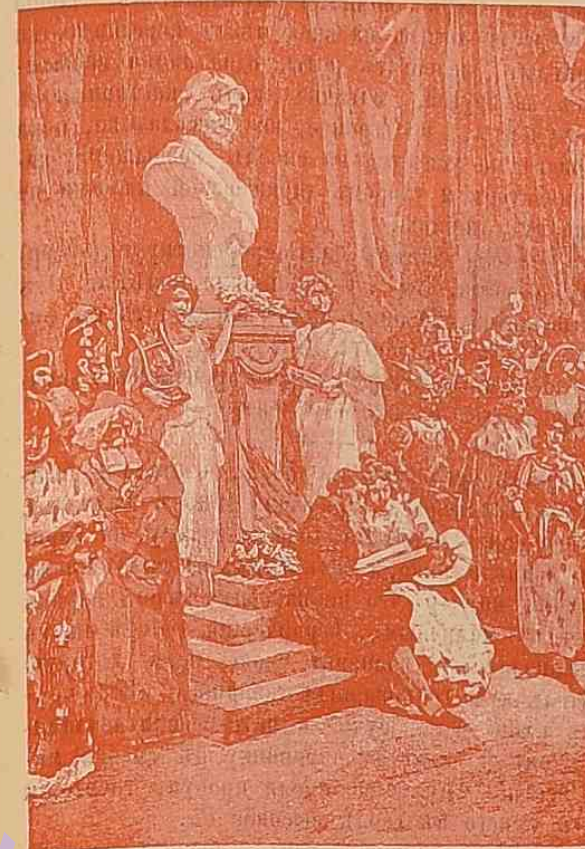
Чествованіе генерала Черняева въ Бѣлградѣ сербскими литераторами и художниками въ 1876 году.—Чтеніе адреса.

Императорская яхта «Штандартъ», прибывшая 5-го августа въ Севастополь.

Памяти Мишлэ.

Завтра, 10 августа, исполняется 100 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго французскаго историка Мишлэ. По этому поводу еще 12-го поля въ Парижѣ состоится чествованіе его памяти. Зрѣлище, устроенное на площади городской ратуши, состояло изъ двухъ частей: чтеніе мизы и прославленіе историка. Для исполненія первой части была воздвигнута особая эстрада. Съ мѣстами

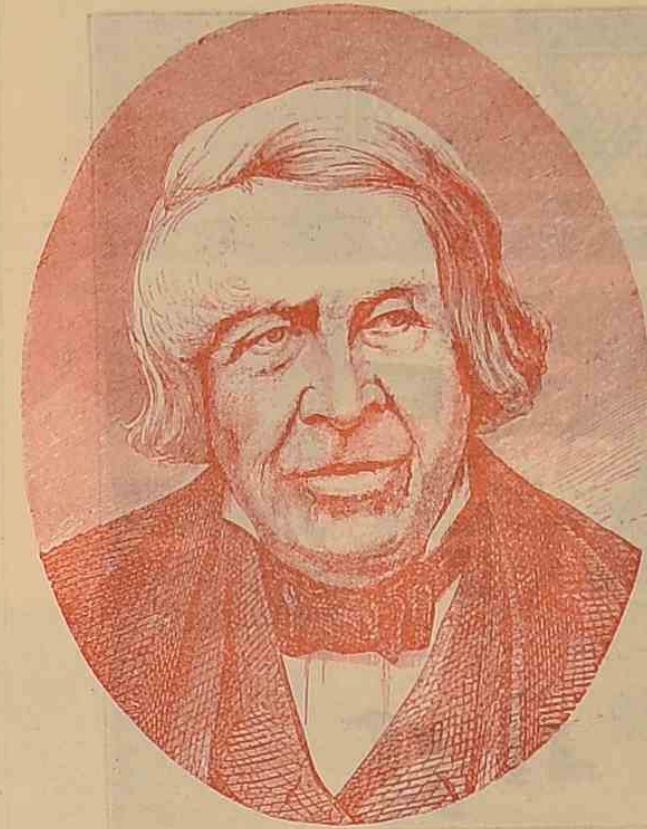

Чествованіе памяти Мишлэ въ Парижѣ.—Провозглашеніе трудовъ знаменитаго историка.

трубами въ рукахъ, муза и двѣ ея почетныя здравствуетъ муза! Да здравствуетъ республика! Да спутницы заняли мѣста на бархатныхъ креслахъ здравствуетъ Мишлэ! Однѣ изъ этихъ моментовъ изображеніе въ костюмѣ парижскихъ работницъ. Главную пѣвчую роль въ представленіи играла бывшее зданіе простой церкви, принадлежавшей монастырю сестеръ Saint-Chaumont и расположенной въ Парижѣ, на углу улицъ Saint-Denis и Траусу. Актъ прославленія историка выражалось живой карьерой, на углу улицъ Saint-Denis и Траусу. Актъ тинной. Поэзія и исторія стояли съ обѣихъ его рожденія произомель въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно

Домъ въ Гіерѣ, гдѣ скончался Мишлэ (9-го февраля 1874 года).

Жюль Мишлэ, знаменитый французскій историкъ.
(По случаю столѣтія со дня рожденія:
1798 г.—10 августа—1898).

онъ, покоя, на которомъ находился его бюстъ. Возли двое молодыхъ людей. Они читали книгу, и по мѣрѣ того какъ они перелистывали страницы, постепенно возставали великія фигуры прошлаго: монархи, государственныя дѣятели, ученые, св. Женевиѣва, — защитница Парижа, и Жанна д'Аркъ, — національная героиня. И когда всѣ эти лица сгруппировались въ пластическихъ позахъ, передъ ними продефинировали современники при громкихъ крикахъ толпы. Чиповники, муниципальные совѣтники, студенты, школьники, гимнастическія общества — всѣ принимали участіе въ этомъ двойномъ апофеозѣ. «Марсельеза» гремѣла, и раздавались крики: «Да здравствуетъ Мишлэ!»

Домъ, гдѣ родился Мишлэ, представляетъ собой главную пѣвчую роль въ представленіи играла бывшее зданіе простой церкви, принадлежавшей монастырю сестеръ Saint-Chaumont и расположенной въ Парижѣ, на углу улицъ Saint-Denis и Траусу. Актъ прославленія историка выражалось живой карьерой, на углу улицъ Saint-Denis и Траусу. Актъ тинной. Поэзія и исторія стояли съ обѣихъ его рожденія произомель въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно

раньше помещался церковный хоръ (choeur). Это обстоятельство подало Мишлэ поводъ сочинить вѣстный назабуръ: «Я родилась въ сердцѣ (choeur) сестеръ Saint-Chaumont».

Мишлэ умеръ въ Нюгес, гдѣ жилъ въ большомъ домѣ, занимающъ немъ третій этажъ,

Г-жа Мишлэ.

Домъ въ Парижѣ, гдѣ родился Мишлэ.
10-го (22-го) августа 1798 г.

Одесса.—Въ дѣтскомъ саду.

Съ фототр. „Прогресс“.

Оперная репетиція.

(Съ примечаніемъ)

— Просто жалость! Въ такую чудную погоду—генеральная репетиція! Дирекція становится все менее сообразительной!

— Видитъ Богъ, коллега, вы правы! Эти вѣчныя повторенія отбиваютъ охоту играть. И тоже предпочелъ-бы сбѣжать за городъ.

— Куда? За городъ?

Съ этими нѣсколькими прощесскими подчеркивающимъ вопросомъ почтенный оперный басъ протиснулся между теноромъ и баритономъ.

— Не говори этого, пожалуйста,—продолжалъ онъ.—Вѣдь, когда у насъ нѣтъ репетицій, ты все равно спишь до часу. Посмотри на лучше на меня! Вчера до трехъ часовъ ночи въ пивной, а сегодня съ семи опять на мѣстѣ! Я человекъ стараго закала.

И съ этими словами басъ свинувъ шляпу съ широкими полями со лба, съѣзжымъ движениемъ руки распахнулъ плащъ и откатился такъ, что подъ сводомъ воротъ послышался словно раскаты грома.

— Какъ вы думаете, господа, не взойти-ли намъ лучше?—спросилъ вдругъ оперскій теноръ, молчаливый бѣлокурый юноша съ толстымъ платкомъ вокругъ горла.—Дѣло въ томъ, что, по моему, здѣсь странно дуетъ, а я еще къ тому-же совершенно простуженъ... Я, за, ла, ла!.. слышите, господа? Совѣтъ глухой! Голосъ! Наверно, придется отказаться завтра пѣть.

Къ маленькой двери, ведущей на сцену, подкатываетъ карета; дверца открывается, изъ нея показывается хорошенькая попка, потомъ головка, закутанная густой вуалью,—пріѣхала примадонна. Изъ подъ роскошнаго пальто высовывается легкій капотъ; пышные волосы наскоро подкатыты. Артистка, повидимому, только что встала съ постели и вторично прыгнула въ карету, чтобы не пропустить начала репетицій. За послѣдніи четыре недѣли она проспала не меньше шести сѣвковъ и дрожитъ передъ гнѣвомъ интенданта.

Смѣясь, глядя ей вслѣдъ товарищи.

Автотипія „Одес. Нов.“.

— Странно,—замѣчаетъ одинъ изъ нихъ,—какими густыми вуалью окутываетъ свое чело наша дражайшая тонарка, пока не подправила своей физиономіи! Она напоминаетъ мнѣ «Покрытую статую въ Спассѣ». Если бы публика могла когда нибудь приподнять въ столь ранній утренній часъ завѣсу, она увидала бы тогда—истину.

Тѣмъ временемъ на площади передъ театромъ становится все оживленнѣе. Болтая между собою, стоятъ группами солдаты; съ почтительными поклонами шыгають мимо нихъ хористы и хористки и исчезаютъ подъ темными воротами. Грохоча, приближается колоссальная фигура съ декорациями; громадные двери за сценою разверзаются, чтобы впустить еще нѣсколько дѣсовъ, скалистыхъ побережій и прѣстольскихъ домовъ. При рѣзкомъ солнечномъ свѣтѣ все эти прелести кажутся какой-то непонятной путаницей безчисленныхъ пестрыхъ пятенъ. Цѣлая облака пыли взлетаютъ; со сцены слышатся электрическіе звонки и сигналы колокольнымъ; декорационная фура тяжелою катитъ внизъ по улицѣ.

— Господа, пора, кажется, идти въ уборныя!

Слова эти передаются отъ одного къ другому, и мало по-малу господа артисты расходятся по своимъ комнатамъ, переносясь изъ чистаго воздуха яснаго солнечнаго утра въ душную, затхлую атмосферу старыхъ коридоровъ и камоорокъ.

— Вамъ хорошо,—говоритъ одинъ изъ нихъ своему коллегѣ,—вы кончаете въ первомъ дѣйствіи, а я закончу въ первомъ и въ послѣднемъ, а въ промежуткѣ могу зѣвать за кулисами. То, что я долженъ вдругъ снова выступить въ послѣднемъ актѣ, доказываетъ, какую-то злобу со стороны автора. Хотя бы провалилась опера, чтобы мнѣ не пришлось трепаться пятьдесятъ разъ изъ-за этой милой роли!

Нѣтъ ничего безотраднѣе и неуютнѣе пустого театра. Входящему кажется сначала, что онъ въ абсолютно темномъ пространствѣ; онъ постоионо наталкивается на что нибудь, и лишь

мало по-малу вырисовываются изъ мрака передъ свывающимися изорами контуры ложъ, галлерей, ряды креселъ. По бархатной обивкѣ и блестящихъ золотыхъ украшеній еще мало видно; перила и ложи завѣшаны сѣрымъ холстомъ. Вдругъ вверхъ, на галерею, открывается окошко; широкій лучъ дневнаго свѣта проникаетъ сквозь мракъ, скользитъ по верхнему барьеру, освѣщаетъ нѣсколько яркихъ золоченыхъ нумеровъ на креслахъ партера, сверкаетъ на мѣдныхъ ламповыхъ абажурахъ въ оркестръ и рисуетъ большой бѣлый кругъ на поверхности стараго барабана. Вотъ скрипнула маленькая дверь комнаты музыкантовъ; члены оркестра проходятъ на свои мѣста; передвигаются поныстры, шепчутся ноты, одна лампа всыхиваетъ за другой, слышно, какъ настраиваются инструменты, все громче, все несладнѣе, пока наконецъ не усядется на своемъ возвышеніи капельмейстеръ и ударомъ дирижерской палочки не водворитъ тишины.

— Мы сейчасъ опять прорепетируемъ увертюру, господа. Вы хорошо поняли отбѣтки? Отъ шестнадцатой страницы прямо переходить къ финалу. И такъ, въ едъ. Разъ, два...

И первые аккорды новаго произведенія звучно проносятся по пустому театру.

Тѣмъ временемъ въ уборныхъ стало необыкновенно оживлено. Лирическій теноръ жалуется, что его оишь паридили, точно обезьяну; на баритонѣ лопнуло трико, а басъ-буффъ въ полнѣйшемъ отчаяніи, потому что не находитъ своего парика достаточно комичнымъ. Героическій теноръ ищетъ въ величайшемъ волненіи свою роль, которую спряталъ куда-то коварный товарищъ «Безоружія и точно безъ руки!»—патетически декламируетъ онъ и клянется вышину въ «востокъ! мекка!», въ то-же время пробѣя, твердо сидитъ у него въ горлѣ высокъ до.

— Не начинайте такъ!—рычитъ на него старый, ворчливый пѣвецъ на вторымъ роли,—вѣдь все равно вечеромъ сорветесь.

Въ углу парикмахерской толпятся статисты и даютъ намалевывать себѣ красныя щеки. У большинства изъ нихъ невѣроятно тонкія ноги и черезъ-чуръ короткіе рукава. Черы на ихъ берегахъ страшно перематы, камзолы висятъ мѣтками, а когда статисты ходятъ, они спотыкаются о собственные мечи.

Въ дамскихъ уборныхъ не менѣе оживлено. Тихо шуршатъ кружева; шелковые платья шелестятъ, изъ высокихъ причесокъ летятъ цѣлая облака пѣкнѣйшей пудры. Госпожа А. пробуетъ нѣсколько трудныхъ колоратуръ; госпожа Б. наскоро повторяетъ прозаическую часть своей роли, а госпожи П. и С. остоительно совѣщаются относительно того, откуда взгляны у маленькой Т. большіе повешеніе брилліанты, такъ сверкающіе въ ея хорошенькихъ розовыхъ ушкахъ, что просто завидно.

А на сценѣ прививаются послѣдніе бруски. «Слушайте пониже въ третьемъ проходѣ софиты и выпрямите павильоны!» командуетъ театр-мейстеръ. Изъ инспекторъ освѣщеніи?—Здѣсь!—Замѣтили вы наконецъ реплики для сумерекъ?—Конечно!—При «я тебя люблю»—красныя стекла, а при «долгихъ объятіяхъ»—лунный свѣтъ!—Впередъ, у рамы, въ маленькой, но важной по своему значенію будѣ показывается сѣдла, старая голова суфлера. Совершенно сморщенный человекъ глядетъ посовой платокъ и футляръ отъ очковъ передъ собой на поныстры и флегматично перелистываетъ крестъ на крестъ перевернутое синими и красными стрихалимъ либретто. Закутаный въ шубу, съ цинидромъ на головѣ, появляется на сценѣ режиссеръ, чтобы окинуть подмостки еще нѣсколькими испытующими взглядами.

Строгий человекъ смотритъ на часы и подаетъ знакъ. Трижды звучитъ электрическій звонокъ, и черезъ мгновеніе изъ нѣкихъ дверей слышится по сценѣ, теперь свѣтлой, какъ день, пестрая толпа исполнителей.

— Госпожа Т.!

— Здѣсь, господинъ режиссеръ!

— Насколько мнѣ извѣстно, вы должны изображать бѣдную сиротку, найденную въ полѣ полузамерзшею и полумертвою отъ голода? Не такъ-ли?

— Да, господинъ режиссеръ.

— Такъ какъ-же взбрела вамъ на умъ несчастная мысль вѣсть въ уши брилліанты, величавую съ орѣхъ?

Дѣвушка смущенно улыбается.

— Но у нихъ такой чудный блескъ!—запечать она.

У дяди Краузе нѣтъ выступаетъ на лбу отъ страха, но молчаливымъ кивкомъ головы онъ и буффъ даетъ знать, что понял и согласенъ. Угодить вѣсьмъ актерамъ такое искусство, какого еще никто не изучилъ. Дядя Краузе давно знаетъ это; что-бы онъ ни дѣлалъ, обруганнымъ ему все равно быть въ концѣ-концовъ.

Вдругъ распахивается средняя дверь, и въ нее съ шумомъ влетаетъ бѣдная, перила, раздраженная исполнителями главной роли. За нею, ломая руки, несетъ либреттистъ.

— Отбѣните репетицію, господинъ режиссеръ! Ни подъ какимъ видомъ не стану я пѣть! Режиссеръ выноситъ эту бурю съ ледянымъ спокойствіемъ и ни на минуту не теряетъ самодобанія.

— Почему же нѣтъ, моя дорогая?—спрашиваетъ онъ.

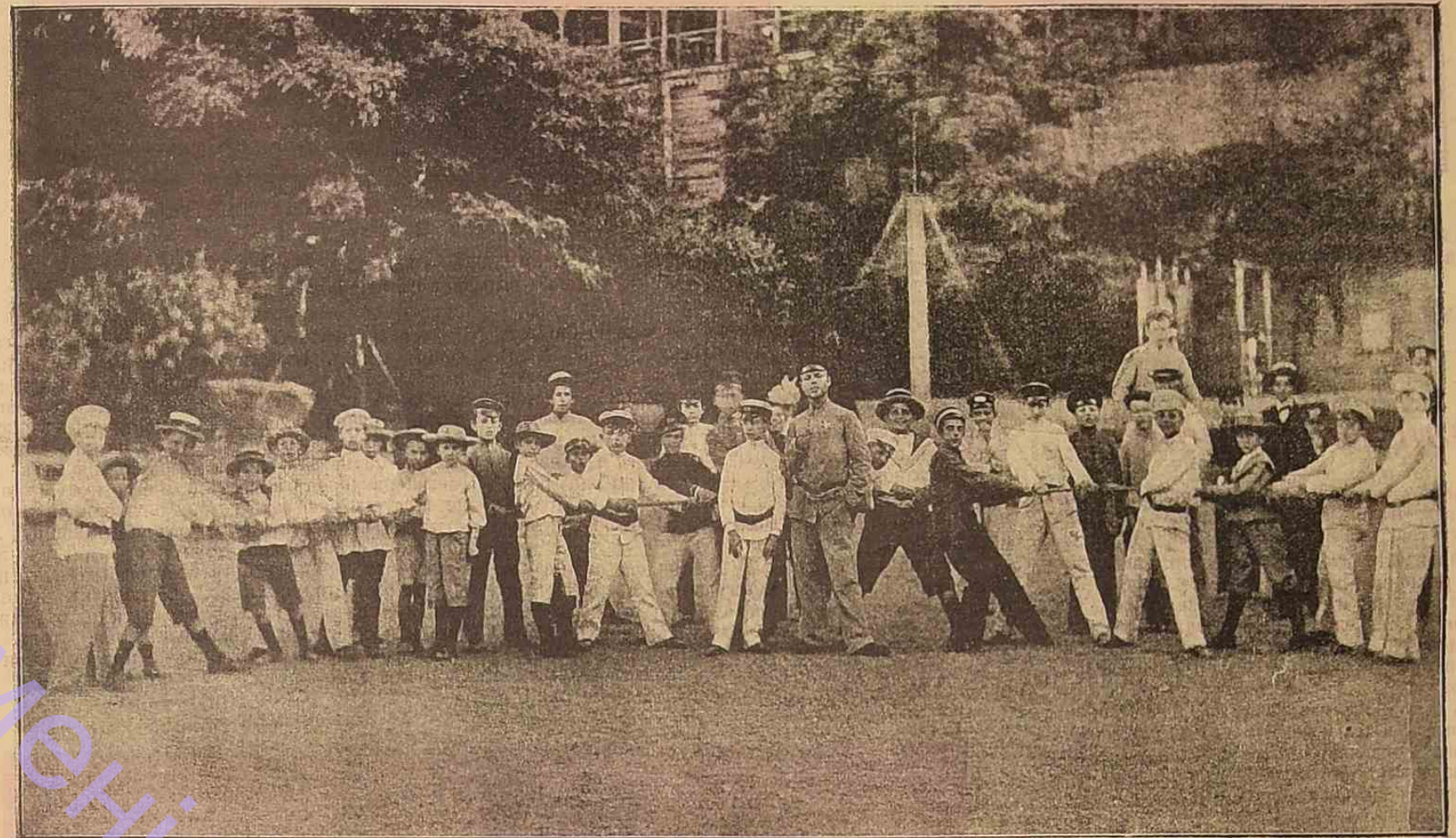
те! А если публика станетъ сильно аплодировать, споете даже два раза.

Примадонна съ облегченіемъ вздыхаетъ, испуганный либреттистъ также. Маленькая Т., снова поинившаяся на сценѣ безъ брилліантовъ, но съ заплаканными глазами, слѣдитъ за происшествіемъ и злобно ворчитъ сквозь зубы: «эти важные бараны всего добьются, а съ мелкотой об-рачаются, какъ съ невольниками!»

— Ну, что вы думаете? спрашиваетъ авторъ у режиссера.—Какъ сойдеть дѣло вечеромъ? Пред-знаменованія не особенно благоприятны.

— Они великолѣпны!—серьезно отбѣчаетъ тотъ.—Чѣмъ больше треску на генеральной ре-петиціи, тѣмъ блестяще будетъ неперъ. Веселыя свѣтки—печальныя представленія!

Въ эту минуту входитъ въ кабинетъ съ композиторомъ въ антерную ложу интендантъ.

Одесса.—Въ дѣтскомъ саду.

Съ фототр. „Прогресс“.

Автотипія „Одес. Нов.“.

— Зато въ васъ—то драгоцѣнно!—своей-ство, противъ котораго, какъ извѣстно, сами боги тѣшны борятся!—бѣшено обрываетъ ее режиссеръ.—Сейчасъ-же вонъ сержки!

Надувъ губки, удаляется госпожа Т., а милая тонарка ей торжествуетъ.

Въ это время героическій теноръ подошелъ къ суфлерской будкѣ, чтобы наскоро объясниться съ «спасителемъ» въ минуту бѣдствія насчетъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ мѣстъ.

— Прошу подавать мнѣ всегда только первые слоги, но очень отчетливо.

Басъ-буффъ слышитъ это мимоходомъ и тотчасъ-же останавливается, чтобы дать измученному суфлеру относительно себя противоположное приказаніе.

— Что касается меня, дядя Краузе, мнѣ нужно каждое слово! Каждое слово, не то я прочту сяду на мель!

— Я только полагаю...—скромно осязливается вставить либреттистъ, но разярившая богиня измѣряетъ его такимъ презрительнымъ взглядомъ, что слово замираетъ у него въ горлѣ.

— Господинъ Рейманъ только полагалъ,—обрываетъ его примадонна,—что я должна вычеркнуть во второмъ дѣйствіи мою вставку и что таково и ваше мнѣніе, господинъ режиссеръ!

— Совершенно вѣрно, моя милая. Въ музыкальномъ отношеніи нумеръ этотъ не имѣетъ значенія, и вѣстѣ съ тѣмъ онъ тормозитъ ходъ дѣйствія.

— Какое мнѣ дѣло до хода дѣйствія? (Примадонна величаво выпрямляется.)—Я забуду только о своей роли и не позволю отнять у меня такъ, ни единого такта! Ну? Пою я вставку или нѣтъ?

Режиссеръ, смѣясь, уступаетъ.

— Конечно, поете, моя дорогая, конечно, по-

— Можно начинать?

— Какъ-же! Очичайте сцену, господа! Капельмейстеръ перегибается черезъ раму, чтобы торопливо шепнуть примадоннѣ еще нѣ-сколько важныхъ указаній; маленькая Т. забивается въ уголъ кулисы, чтобы наскоро еще разъ пробѣжать партитуру. Всѣ занятые въ первомъ дѣйствіи члены труппы спѣшатъ по своимъ мѣстамъ; вслѣдъ затѣмъ падаетъ занавѣсъ.

Начинается увертюра, и возмущенные авторы видятъ передъ собой свое твореніе въ той окончательной формѣ, въ которой оно должно стѣ-жать въ первый вечеръ одобреніе толпы, не под-дающейся никакимъ разсчетамъ, уже безпощадно осматривавшей многихъ смѣлыхъ борцовъ за правду и красоту и съ ликованиемъ поднимавшей на щиты столькожъ шутовъ, увѣщанныхъ побр-купками...

Генераль-маіоръ Д. Г. Жаринцевъ,
авторъ доклада „Объ одесскихъ оползняхъ“, чи-
таннаго 7-го августа въ мѣстномъ отдѣленіи Рус.
технич. общества.

Съ фот. Чеховскаго. Автопортретъ „Одес. Нов.“

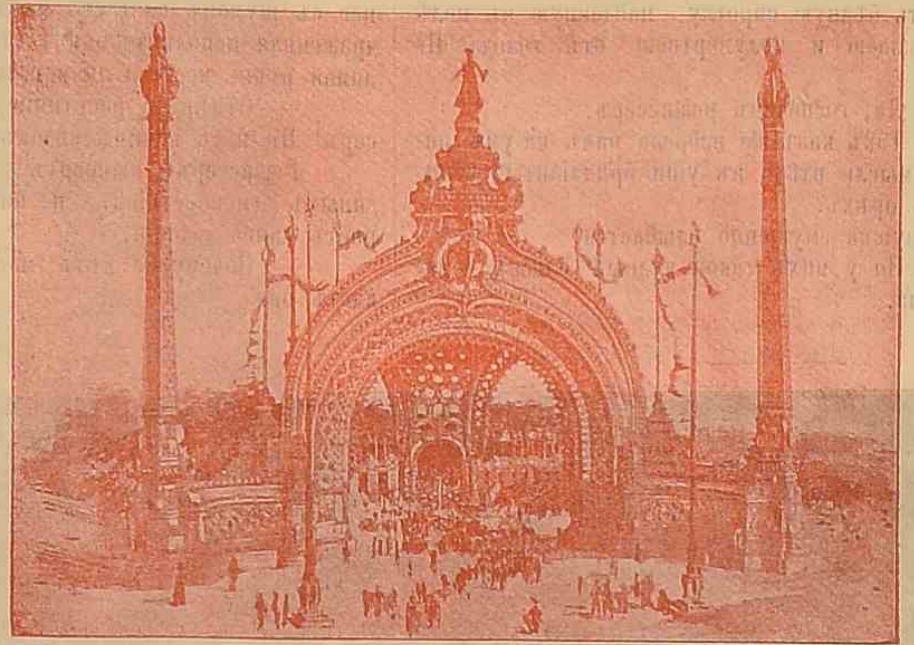
Разныя разности.

Процессъ изъ-за цилиндра. Въ Парижѣ во время карнавала нѣкій господинъ занялъ мѣсто въ партерѣ театра, не снимая съ головы цилиндра, хотя уже занавѣсъ поднялся. Вскоръ со всѣхъ сторонъ раздались обычные крики: „Шляпу долой!“ но господинъ въ цилиндрѣ дѣлалъ видъ, будто эти крики нисколько не стносятся къ нему. Тогда подошелъ къ нему театралный распорядитель и попросилъ очень вѣжливо снять шляпу, на что тотъ сухо отвѣтилъ, что у двухъ дамъ, сидящихъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ, шляпки гораздо выше, чѣмъ у него, и что онѣ загоразиваютъ ему все происходящее на сценѣ. „Пока дамъ не застѣвать снять шляпки, объявилъ онъ, — и я не сниму своего цилиндра въ знакъ протеста“. Такъ какъ распорядитель ничего не могъ отъ него добиться, то пригрозилъ ему, что позовесть полицейскаго чиновника, и тогда неудобный посетитель покинулъ залу, чтобъ у кассы потребовать обратно деньги за билетъ. Но кассиръ не соглашался на это, и господинъ потребовалъ письменнаго подтвержденія этого отказа. Теперь онъ подалъ, по словамъ „Моск. Вѣд.“, жалобу на директора Athénée Comique, требуя уплаты пяти франковъ за мѣсто и пятидесяти франковъ за то, что онъ лишился удовольствія присутствовать на представленіи. Жалобу свою онъ основываетъ на томъ, что, во первыхъ, никакое предписаніе не запрещаетъ мужчинамъ сидѣть въ театрѣ въ шляпахъ, что цилиндры гораздо меньше загоразиваютъ видъ, чѣмъ широкія дамскія шляпки, что мужчины, у которыхъ часто бывають лысины, имѣють больше причинъ не снимать своихъ шляпъ, чѣмъ дамы и т. д.

Гармонія для глухихъ. Профессоръ вѣнскаго университета, докторъ Урбанчикъ, изобрѣлъ гармоникъ для слуховыхъ упражненій и глухихъ, и глухонѣмыхъ съ цѣлью ихъ излеченія. Имѣя видъ обыкновенной простонародной гармоникъ, она сама по себѣ не издаетъ звуковъ при сжиманіи, т. е. не снабжена звуковыми клапанами, а въ боковой доскѣ сдѣланы два отверстія, одно изъ которыхъ задвинуто заслонкою и, такимъ образомъ, воздухъ не пропускаетъ; въ другое же отверстіе встав-

ляется небольшая деревянная планка съ прорѣзаннымъ въ ней каналомъ, снабженнымъ металлическою пластинкою, вибрирующею при сжиманіи гармоникъ отъ проходящаго черезъ каналъ воздуха и издающею звукъ того или другого тона. Такихъ планокъ при гармоникѣ 43; каждая изъ нихъ издаетъ опредѣленную ноту отъ низкихъ до высокихъ.

пается къ лицамъ, одохишимъ въ зрѣломъ возрастѣ, и вообще къ страдающимъ ослабленіемъ слуха, причемъ результатъ леченія обнаруживается скорѣе, чѣмъ при врожденной глухонѣмотѣ, и звуковыя упражненія не требуютъ той интенсивности и силъ, которыя въ большинствѣ случаевъ обуславливають успѣхъ при полной потерѣ слуха.

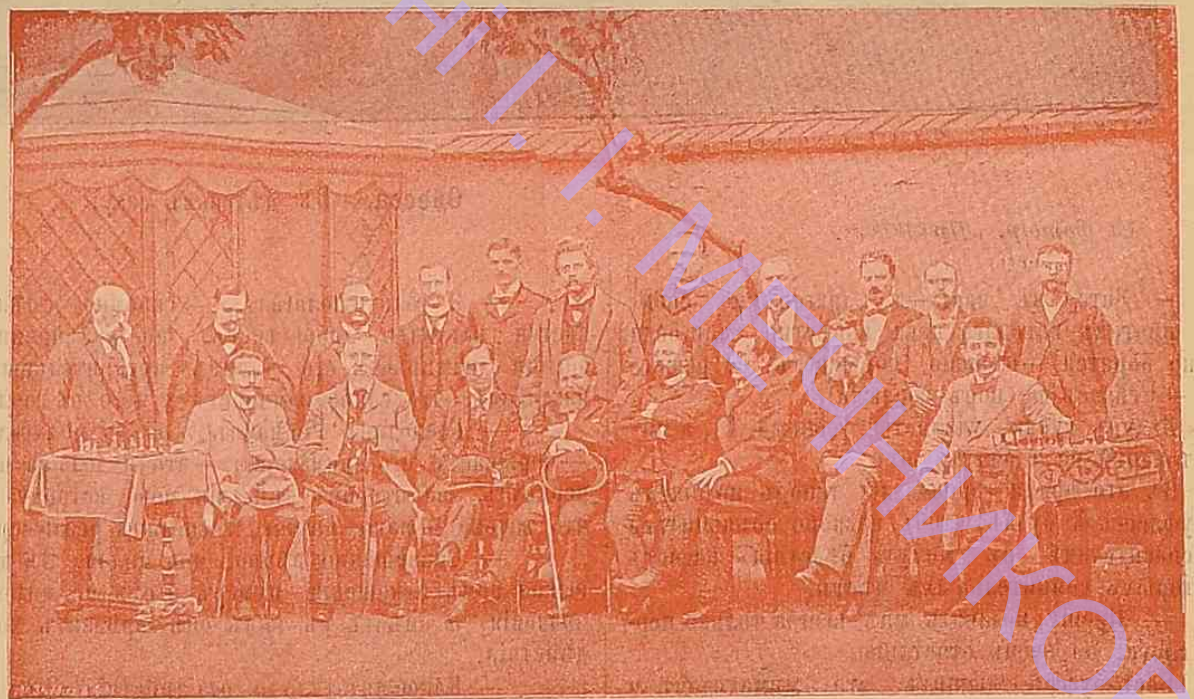

Парижская выставка 1900 г.
Входъ на выставку съ площади „Согласія“.

Методъ леченія относить не требуетъ какихъ-либо стѣсненій въ образѣ жизни и, не отвлекая пациента отъ его занятій, беретъ немного времени. Упражненія при помощи гармоникъ начинаютъ обыкновенно въ теченіе 10—15 минутъ ежедневно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжительность ежедневнаго сеанса доходитъ до 1½—1 часа, но не подърываетъ, а съ перерывами, во избѣжаніе раздраженія отъ звуковъ, испытываемыхъ нѣкоторыми субъектами.

Изъ наблюдений д-ра Урбанчика видно, что возстановленіе слуха наступаетъ въ очень неодинаковые сроки; курсъ леченія продолжается отъ нѣсколькихъ недѣль до двухъ, трехъ лѣтъ, хотя послѣдній, столь продолжительный срокъ, требовался лишь для излеченія вродивъ глухонѣмыхъ. Тотъ же методъ звуковаго леченія примѣ-

способъ ходить не уставая. Командиръ одного изъ французскихъ гарнизоновъ деРауль выработалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проектъ введенія въ армію т. н. сгибающейся походки (marche en flexion), дающей возможность достигать извѣстной скорости при ходьбѣ, расходуя на это возможно меньше силъ. Для этого корпусъ долженъ быть слегка наклоненъ впередъ, но не согнутъ, причемъ не слѣдуетъ держать голову опущенной. Колѣна должны быть согнуты, а ноги поднимаемы лишь настолько, насколько это нужно, чтобы не задѣвать земли, причемъ нога должна быть поставлена по возможности, прямо, т. е. каблукъ и носокъ сразу. Дышать нужно ровно и тихо, и каждыя пять или шесть разъ болѣе глубоко. Этотъ способъ ходьбы незамѣнимъ также при поднятіи по лѣстницамъ.

Таррашъ, Влекъ, Пильсбери, Стейнъ, Чигоринъ, Яновъ, Ширъ, Лики.
(побѣдитель) борнъ. (побѣдит.) ницъ. ринъ. ский. ферсъ.

Участники юбилейнаго шахматнаго турнира въ Вѣнѣ.